

Позывной "Батя"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Максим Пахотин

18+

Максим Пахотин

Позывной "Батя"

<https://litres.ru/74223854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Сухомнин — простой алтайский водитель, потерявший в войне двух сыновей и жену. На могиле жены он клянётся найти останки сыновей и похоронить их рядом с ней. С хромотой и третьей группой инвалидности он отправляется добровольцем на передовую. В поезде встречает трёх бывших оперов, которые берут его в свою бригаду. Путь отца сквозь ад Авдеевки и Купянска — через затопленные коллекторы, уличные бои, сбор тел. Он находит обгоревший танк Ивана, опознаёт его останки по ДНК. В подвале разрушенного дома спасает шестилетнего Сашу и обещает вернуться. Позже на трофейном телефоне видит видео казни пленных — среди них его старший сын Максим. Виктор выживает в бою, получает ранение, но возвращается, чтобы выполнить клятву. Три могилы встают рядом, а рядом с отцом — приёмный сын Саша, ради которого стоит жить. Жёсткая, честная проза о том, как любовь к детям сильнее смерти.

Максим Пахотин

Позывной "Батя"

ОТЕЦ СОЛДАТА ЧАСТЬ I. ЗЕМЛЯ

Пролог

Дождь начался ещё до обеда и лил до вечера — мелкий, липкий, он забирался под воротник, стекал по венкам, размазывал грязь по свежим холмикам. К четырём небо вдруг раскололось, ветер смахнул тучи, и стало по-осеннему свежо — хотя была середина марта, и под снегом уже пробивалась первая трава.

Виктор сидел на деревянной скамье, которую принесли для гроба, а теперь она осталась никому не нужной. Гроб опустили, засыпали землёй — сырой, комковатой, с запахом прелых листьев. Он смотрел на свежий холмик Ольги, на две пустые могилы рядом с табличками: «Максим Викторович Сухомнин» и «Иван Викторович Сухомнин». Таблички блестели на сером фоне — этот блеск резал глаза, как заноза. Люди разошлись: соседи, родственники, кто-то из сельской администрации. Остался только кладбищенский сторож, старый дед Семёныч с прокуреным голосом, похожим на скрип несмазанной петли. Подошёл, потоптался, почесал затылок.

— Ты это, Виктор... Ночевать тут не положено. Сыро, за-

мёрзнешь.

— А я не ночую. Посижу.

Семёныч вздохнул, махнул рукой — мол, делай что хочешь — и ушёл, шаркая старыми ботинками по мокрой тропинке. Виктор остался один.

С собой была бутылка водки, начатая ещё дома, и полбуханки чёрного хлеба в полиэтиленовом пакете. Он открыл крышку, глотнул — горько, обжигаяще, по горлу пробежала тёплая волна, — и убрал. Не пил больше, просто держал стекло в руке, грел замёрзшие пальцы. Ночью похолодало, дождь кончился, небо очистилось, и высыпали звёзды — крупные, холодные, как льдинки. Виктор смотрел на них, но видел другое.

Как вёз Ольгу из роддома с Максимом — тогда ещё не было своей машины, взял совхозный УАЗик, и она смеялась, прижимая к груди белый свёрток, а на заднем сиденье лежала её больничная сумка с распухшими швами. Как Иван впервые сказал «папа» — невнятно, с кашей во рту, а они с Ольгой переглянулись и засмеялись, и он почувствовал, что вот оно, счастье, простое и тяжёлое, как ком земли. Как собирали картошку, и мальчишки орали, брызгаясь грязью, и Ольга гнала их с огорода, но сама улыбалась, и в уголках глаз собирались смешинки. Потом — извещение о Максиме: «пропал без вести». Ольга сначала плакала — глухо, в подушку, чтобы он не слышал, — а потом замолчала и просто лежала, глядя в потолок, как будто там был написан ответ.

Виктор приносил ей чай, она не пила. Через месяц — похоронка на Ивана. Ольга взяла бумагу, прочитала, положила на стол и села на стул. Ни звука. Через две недели врачи сказали: разрыв сердца. Виктор думал: не сердце — душа. Просто душа не выдержала такого количества тишины.

Он снова глотнул водки, поставил бутылку на землю, подложил под голову старую куртку — пропахшую машинным маслом и табаком — и лёг на скамью. Заснул тяжело, как спят только те, кто перестал бояться не проснуться. Спал без снов, только чёрная яма, изредка прорезаемая вспышками — то ли молнии, то ли разрывы.

Проснулся от холода. Скамья жёсткая, спина затекла, в боку кололо. Он сел, потёр лицо — щетина колола ладони, кожа пахла землёй и перегаром. Утро занималось серое, без дождя, но с низким туманом, который стелился по могилам, как простыня. За кладбищем, за полями, вставало солнце — бледное, равнодушное, — но Виктор не смотрел на него. Он встал, поправил венки на Ольгином холмике, коснулся пальцами холодной таблички, провёл по буквам.

— Всё, — сказал он хрипло. — Я пошёл.

Поднял бутылку — почти полную — сунул в карман куртки. Потом сказал громче, как будто она могла слышать сквозь метр земли:

— Я их найду, Оля. Привезу к тебе. Обоих. Обещаю.

Кивнул, развернулся и пошёл к калитке. Нога, правая, с первых шагов напомнила о себе — тупая, ноющая боль, ко-

торая шла от таза и спускалась в колено. Он прихрамывал сильнее обычного, но шёл ровно. У калитки уже ждал попутный автобус до города — жёлтый «ПАЗик» с потёкшими стёклами, в салоне пахло бензином и сырыми тряпками.

Глава 1. Земля

Виктор сел у окна, положил дипломат на колени. Автобус тронулся, и за мутным стеклом поплыли берёзы — голые, чёрные, с редкими прошлогодними серёжками. Он смотрел на них, но видел другое: свой дом, огород, старый КАМАЗ в гараже с пробитым колесом, которое так и не заменил. Всё это теперь не имело значения. Он ехал в райцентр, в военкомат, но в голове всплывали картинки из прошлого, и он не мог их прогнать.

Алтайский край, конец девяностых. Деревня Зелёный Лог — семь ветров, летом пыль, зимой сугробы по крыши. Речушка за огородами к середине августа пересыхала до ручья, но весной разливалась так, что коров перегоняли на лодке. Жили небогато, но дружно — помогали, праздновали всем селом, беду делили на всех. Виктор помнил запах свежего сена, который сушили на покосе, и скрип телеги, и матерную ругань отца, когда трактор глох посреди поля.

Виктор Сухомнин родился здесь в 1967-м, в сенокосную пору. Отец, Александр Иванович, встретил новость о рождении сына в поле — ему прибежал сказать соседский маль-

чишка, он бросил трактор, примчался на коне, влетел в избу, ещё в сапогах, и схватил свёрток. Сына называли в честь деда, погибшего под Сталинградом. Растили просто: школа, уроки, летом — огород, зимой — дрова. Мать Прасковья Егоровна работала дояркой — вставала в четыре, шла на ферму, руки её вечно пахли молоком и навозом. Отец — механизатор, с весны до осени в поле, зимой в гараже.

Виктор с малых лет вертелся возле отцовского мотоцикла. Старый «Урал» стоял в сарае вечно разобранный — отец то карбюратор снимал, то цепь менял, то колодки перебирал. Витька подползал, подавал ключи, молча наблюдал. К десяти годам мог на слух определить, где свистит прокладка, и где стучит клапан. Отец усмехался, дымя папиросой: «Глаза у тебя как у механика. Водителем будешь».

После восьмого класса пошёл в СПТУ в райцентре, на водителя категории «С». Три года — и диплом. В совхозе как раз старый шофёр уходил на пенсию, и Виктора взяли сразу. Дали списанный ЗИЛ-130 с пробитым сиденьем и запахом солярки, который въелся в обивку намертво, но он был счастлив. Гонял по полям, возил зерно, слушал, как рычит мотор, чувствовал каждую неровность дороги через руль. Через год получил новый КАМАЗ-5320 — и влюбился в машину без памяти: мыл её сам, регулировал, любую неисправность чувствовал за версту. По алтайским грунтовкам в распутицу он ездил как по асфальту, объезжая ямы на инстинкте.

С Ольгой они знали друг друга со школы — она была на год младше, переехала в Зелёный Лог из райцентра в старших классах. Белобрысая, с длинной косой и весёлыми глазами, она сразу попала в центр внимания, но выбрала Виктора. Гуляли по вечерам, сидели на старом тополе у речки, говорили о будущем. Ольга мечтала о городе, о работе бухгалтером. Виктор молчал. Он знал: его дом — здесь.

Летом 1999-го пришёл к Ольгиной матери и сказал прямо: «Прошу руки вашей дочери. Работа есть, дом буду строить, жену не обижу». Мать сомневалась — молодой, всего тридцать два, — но Ольга сказала: «За него, мама. Или ни за кого». Сдалась. Свадьбу сыграли осенью — небогато, в сельском клубе, с гармонью и самогоном, с пьяными плясками до утра и разбитыми тарелками. Отец Виктора встал с тостом, протянул ему топор: «Сын, теперь ты мужик. Строй дом».

Дом ставили с нуля, на задах родительской усадьбы. Лес выписали из лесхоза — сосновые брёвна, смолистые, пахнущие хвоей и живицей. Виктор тесал венцы, стелил полы, прилаживал наличники. Ольга подавала доски, месила глину для печи, и он помнил, как она вытирала пот со лба тыльной стороной ладони, оставляя тёмные полосы. Работали до темноты, до ломоты в спине. К весне 2000-го сруб стоял под крышей. В конце августа, когда доделывали последний угол, Ольга родила Максима.

Мальчик родился серьёзный, с отцовскими серыми глазами и на удивление крепким криком. Виктор сам пеленал его,

купал в корыте, ночами укачивал, чтобы Ольга спала. Она смеялась: «Ты его испортишь, весь в тебя, такой же упёртый». А он: «Это мой сын, я имею право». В 2002-м родился Иван — светлый, как мать, с белыми волосами и серёжками на ушах, но с отцовским упрямством в подбородке и в том, как он сжимал кулаки, когда не давали игрушку. Теперь семья полная, и Виктор чувствовал себя человеком, который построил своё царство.

Виктор работал как заводной: днём — КАМАЗ, уголь, щебень, рейсы в Кузбасс и обратно; вечером — дома, ремонты, огород. Завели корову Зорьку, поросёнка Борьку. Ольга управлялась с домом и детьми. Жили без долгов, копили каждую копейку, откладывали на новую крышу и на машину сыновьям.

Чёрный день пришёл зимой 2018-го. Вёз уголь из Кузбасса, дорога скользкая, метель, видимость ноль, и только фары выхватывали из темноты снежные вихри. На повороте у реки КАМАЗ занесло, ударился в ограждение, перевернулся. Очнулся в реанимации через три дня. Перелом таза, раздробленная правая нога, несколько рёбер. Врачи сказали: ходить будет, но с тростью и с болью. Семь месяцев лежал, потом ещё три на костылях. Работу водителя потерял — комиссия дала третью группу, и права отобрали.

Злился, пил, кричал на Ольгу — чего раньше не бывало, и каждый раз после срыва ненавидел себя за это. Она терпела, гладила по голове, говорила: «Руки у тебя золотые, ты что

угодно починишь». И правда — пошла молва, что Сухомнин может трактор перебрать, двигатель оживить, из мёртвого железа сделать живое. Работал в гараже, чинил технику соседям, воняло маслом и соляркой, но это было его лекарство. Денег хватало жить, но не больше.

Мальчишки выросли. Максим окончил школу, уехал в Бийск, выучился на сварщика. Работал на заводе, приезжал на выходные, всегда привозил гостинцы и смеялся, рассказывая о своей девушке. Иван остался в райцентре, стал электриком, на заводе по ремонту трансформаторов. Оба серьёзные, самостоятельные. Ольга ждала внуков, но они не торопились, отмахивались — «успеем, мам».

Осенью 2021-го Максиму пришла повестка. Ему двадцать один. Провожали всей семьёй — Ольга плакала, уткнувшись в плечо сына, Иван хлопал по плечу, стараясь казаться взрослым, Виктор обнял на перроне, чувствуя, как напряжены плечи Максима под курткой. «Вернись, сынок. Ты у меня старший». Максим улыбнулся, но глаза были серьёзные: «Вернусь, батя, не бойся». Попал в учебку под Волгоград, потом в мотострелки под Ростов. Звонил часто, рассказывал про быт, командира, про то, как учат стрелять и копать. В феврале 2022-го — тишина. Две недели — ни слова. Потом извещение: «Пропал без вести». Ольга рухнула на пол, забилась в истерику, и Виктор держал её, гладил по голове, прижимал к себе, а сам думал: «Жив. Найдём. Я его найду».

Иван рвался на фронт с начала — он был младше, но го-

рячей. Мать молила: «Не бросай меня. Подождём, обменяют брата». Иван ждал, скрипел зубами, но оставался. В 2023-м, когда объявили мобилизацию, его призвали. Ушёл спокойно — собрал рюкзак, поцеловал мать, обнял отца так крепко, что хрустнули рёбра. «Я вернусь и брата найду». В учебке предложили контракт в танковых. Иван не раздумывал — подписал, не спросив совета. Звонил через неделю, голос возбуждённый: «Батя, я в танкисты пошёл. Выдержу». Виктор молчал, потом сказал: «Береги себя. Матери не говори». Иван не сказал.

В начале января 2024-го пришла похоронка. Виктор зашёл на почту за пенсией — там конверт с гербом, плотный, официальный. Взял дрожащими руками, отошёл к стене, вскрыл, развернул. «Младший сержант Сухомнин Иван Викторович, командир танка, погиб в бою. Экипаж уничтожил три танка противника, выдержал два попадания, третьим подбит. Машина сгорела. Тело не эвакуировано». Он стоял, держа бумагу, не мог дышать, в ушах гудело, и чёрные буквы плыли. Сунул в карман, вышел на улицу, присел на лавочку у почты, закурил — хотя бросил лет десять назад, и первая затяжка ударила в голову, закружила. Потом пошёл домой, хромя сильнее, чем обычно.

Ольга встретила у порога, посмотрела на лицо — и всё поняла. Упала на пол, закричала — тонко, страшно, как раненая птица. Он поднял её, посадил на кровать, налил воды, но она не пила. Только смотрела в одну точку и молчала, и это

молчание было страшнее крика. Через две недели умерла во сне. Врач сказал: обширный инфаркт, сердце не выдержало.

Виктор похоронил жену. Пустые могилы сыновей — рядом. Всю ночь просидел на скамейке с бутылкой, смотрел на звёзды и шептал клятву, снова и снова, пока слова не стёрлись в одно сплошное дыхание. К утру встал, убрал бутылку, поправил венок и пошёл к калитке.

Дома он переоделся, взял паспорт, военный билет, пенсионное удостоверение — всё в старый дипломат из козья, потёртый, с оторванной ручкой, — и поехал в райцентр, в военкомат. Автобус трясся по разбитой дороге, за окном мелькали поля, чёрные от талого снега. Он смотрел в окно и молчал. В голове только одно: «Они там. Я должен найти. Если не найду — лягу рядом».

В военкомате ждал в коридоре на деревянной скамейке, обитой дерматином, с запахом казённой дешёвки. Рядом сидели парни с повестками — худые, испуганные, кто-то плакал, уткнувшись в телефон. Виктор выглядел чужим: седой, хромой, с палкой, в старом ватнике. Наконец вызвали.

Начальник — майор, сухой, с усталыми глазами и прокуренными усами, сидел за столом, заваленным папками. Взглянул вверх очков.

— Сухомнин? Проходите.

Виктор сел, выложил бумаги на стол.

— Хочу подписать контракт. Отправьте на передовую.

Майор полистал военный билет, медкарту, присвистнул,

постучал пальцем по строчке.

— Третья группа, перелом таза, нога срослась криво. Вам даже за руль нельзя, не то что в окоп.

— Я не водителем. Штурмовиком, санитаром — кем угодно. Хожу, стрелять могу.

Майор покачал головой, откинулся на спинку стула.

— Есть регламенты. Я не могу допустить — меня посадят. Вы не годны.

— Тогда сам пойду. Добровольцем.

Майор снял очки, потёр переносицу, вздохнул. В коридоре кто-то кашлянул, зашуршали бумаги.

— Слушай, — сказал он тихо, почти доверительно. — Я понимаю твоё горе. У меня сын в Донбассе, лейтенант, артиллерист. Звонит раз в месяц, и я молюсь, чтобы звонил. Но там — мясорубка. Ты никого не найдёшь, ты даже не доберёшься. Не пуцу.

Виктор поднял глаза, посмотрел в упор, и в этом взгляде была такая тяжесть, что майор отвёл глаза.

— Я клятву дал жене на могиле. Найду — по косточкам, но привезу. Откажешь — поеду своим ходом. Непустишь в часть — прибьюсь к кому-нибудь, к волонтёрам, к обозу. Дойду.

Майор долго молчал, глядя в окно на серое небо. Потом открыл шкаф, достал папку, положил на стол, но не открыл.

— Я тебя не оформлю. Формально — отказ. Делай что хочешь, но под мою ответственность — нет. У нас война, а

не самодеятельность.

Виктор встал, собрал бумаги, сунул в дипломат.

— Спасибо за откровенность.

Вышел. На улице постоял, глядя на серое небо. Снег почти сошёл, грязь, лужи, в которых отражались облака. Закурил, выкурил одну, затушил о стену и пошёл на автовокзал. Купил билет на поезд до Ростова — плацкарт, верхнюю боковую полку, у туалета. Взял хлеба, колбасы, две бутылки воды, пачку сигарет — всё в дипломат, который теперь стал его домом.

Вечером стоял на перроне, смотрел на состав. Пахло углём, мазутом и яблоками — кто-то вёз корзину с антоновкой, сладкий запах смешивался с гарью. Нашёл вагон, показал билет проводнице — женщине с усталым лицом и в бигуди, — прошёл внутрь.

Плацкарт был забит до отказа: мешки, сумки, дети, старухи. Виктор забрался на верхнюю боковую полку, бросил дипломат в изголовье, лёг, глядя в мутный потолок, покрытый пятнами. Вагон качало, колёса стучали с ритмичным перестуком, и этот звук убаюкивал, но он не спал. Внизу за столиком сидели трое мужиков — крепких, седых, с нашивками на рукавах, с кожей, обветренной и грубой, как подошва. Они резались в карты, пили чай из алюминиевых кружек, смеялись низкими голосами. Виктор прислушался. В разговоре мелькали: «ЛБС», «артиллерия», «ротация», «наши там держатся». Свои.

Он слез, подошёл к столу, опираясь о перегородку, чтобы не упасть на повороте.

— Мужики, — сказал он, и голос сорвался на хрип. — Вы на фронт?

Старший, коренастый, с седой щетиной и глубокими морщинами вокруг глаз, поднял глаза.

— Да. А ты кто?

Виктор положил на стол фотографию — старую, потёртую на сгибах, где они стояли все вместе у дома: Ольга, он, Максим и Иван, улыбаются, за спиной новый сруб, солнце слепит.

— Я отец. Иду за сыновьями.

Старший глянул на фото, потом на Виктора, на товарищей. Те переглянулись. Сухопарый с седым ёжиком — Евгений — отодвинул карты. Третий, мощный, коротко стриженный, с татуировкой на запястье — Геннадий — скрестил руки на груди.

— Садись, — сказал старший, Андрей. — Рассказывай. Только без соплей, мы люди простые.

Глава 2. Попутчики

Виктор опустился на узкую лавку, обитую дерматином, — она пружинила и скрипела под ним. Столик качался, и кружки с чаем подпрыгивали на каждом стыке рельсов. Андрей подвинул ему кружку с горячим чаем, но Виктор отказался

— достал свой термос, старый советский, с отбитой эмалью.

— Виктор Сухомнин, Алтайский край. Всю жизнь водителем, в 2018-м авария — с тех пор хромаю, инвалид третьей группы. Два сына: Максим пропал без вести в 2022-м, Иван погиб в январе этого года. Жена не выдержала. Похоронил. Поклялся найти их.

Он говорил коротко, сухо, но голос дрожал, и Андрей, опытный собеседник, заметил, как сжались его пальцы на термосе. Андрей слушал, не перебивая, только кивал и покручивал в пальцах потухший окурок. Потом спросил:

— И ты решил на фронт, хоть и хромой?

— Да. Военкомат отказал. Но я всё равно поеду. Найду способ.

Андрей переглянулся с товарищами. Евгений налил чаю себе, подвинул Виктору печенье в мятой упаковке. Геннадий, мощный, с короткой стрижкой, внимательно разглядывал Виктора, словно оценивая на прочность.

— Мы бывшие полицейские, — сказал Андрей, закуривая новую сигарету, несмотря на запрет. — Все на пенсии, пошли добровольцами. Сейчас в штурмовом отряде 74-й бригады. Возвращаемся после отпуска, были дома, улаживали дела. — Он помолчал, выпустил дым в потолок. — Слушай, Виктор. Нам такие нужны. Ты, конечно, не боец, но мужик крепкий, не ноешь. Поможем устроиться. Командир у нас толковый, бывший опер, он ценит людей с головой.

Евгений добавил, помешивая чай ложечкой, которая звя-

кала о стекло:

— Только предупреждаю: там ад. Грязь, крысы, дроны, арта каждый день. Если ты решил — мы поможем. Но придётся работать не только руками, но и головой. И ногу береги, в окопах сыро — застудишь, и всё.

Геннадий хмыкнул, поправил нашивку на рукаве:

— Я в ОМОНе двадцать лет, таких упёртых видел. Ты продержишься. Но если начнёшь ныть — мы тебя быстро сплавим в тыл. Договорились?

Виктор смотрел на них — и в груди дрогнуло что-то тёплое, почти забытое. Он не ждал помощи, не просил, а они предлагали сами.

— Серьёзно?

— Серьёзнее не бывает. — Андрей протянул руку, широкую, с мозолистыми пальцами и синими прожилками вен. — Андрей.

Виктор пожал — жёстко, вцепившись в ответ.

— Виктор.

— Ударили по рукам.

До Ростова ехали сутки. Вагон качало, за окнами ночь сменялась серым рассветом, а потом снова поля и перелески. Виктор слушал их истории — как Андрей в девяностых раскрывал банды, брал квартиры с риском для жизни, как его награждали и как он терял друзей. Евгений рассказывал, как водил ОМОН в Чечню, про засады, про грязь, в которой они лежали по трое суток, и про запах гари, который не вы-

ветривается из одежды годами. Геннадий хмуро вспоминал, как ловил наркоторговцев и как однажды на его глазах погиб напарник от случайной пули. Они говорили не хвастливо, а буднично, словно это была обычная работа, как у Виктора — возить уголь.

Виктор спросил, почему они пошли на войну, ведь уже отслужили своё. Андрей помедлил, затянулся, выпустил дым в форточку.

— У меня там племянник погиб под Мариуполем. Молодой, двадцать два года, только жениться собрался. — Он стряхнул пепел, и пепел упал на стол, рассыпался серой пылью. — А больше — не могу сидеть дома, когда ребята воюют. Я своё дело умею, я могу быть полезен.

Евгений кивнул, глядя в окно:

— У меня сын был лётчиком, в 2020-м разбился на Су-25, в горах. Я тогда не мог ничего сделать, а теперь могу. Хотя бы носилки таскать.

Геннадий просто пожал плечами:

— Я знаю, что такое стоять за спиной товарища. И больше не хочу прятаться за чужими спинами.

Виктор кивнул. Теперь они были не просто попутчики — братья по горю, сросшиеся общей болью, как сросшиеся кости.

Утром прибыли в Ростов. Перрон кипел: военные, беженцы, волонтеры, машины с красными крестами. Геннадий позвонил кому-то, бросил в трубку: «Приехали, с нами ещё

один. Хороший мужик, проверенный». Через час они тряслись в стареньком «Урале» с тентованным кузовом, на ящиках из-под снарядов. Виктор сидел, привалившись к борту, чувствовал, как каждая выбоина дороги отдаётся в правой ноге, но терпел, сжав зубы. В кузове пахло дизелем, порохом и сырой землёй — этот запах потом будет преследовать его везде.

— Скоро Авдеевка, — крикнул Геннадий, перекрывая рёв мотора. — Потом — Купянск.

Через три часа въехали в расположение бригады. Блиндажи, маскировочные сети, запах солярки и мокрого брезента, чёрный дым над горизонтом. Командир — подполковник с нашивкой «Ветераны Донбасса», с усталым, но цепким взглядом — выслушал Андрея, посмотрел на Виктора, на его палку, на хромоту, нахмурился.

— Инвалид?

— Хожу, руки рабочие, — сказал Виктор, выпрямившись, стараясь не опираться на палку. — Пригожусь. Могу ремонтировать, таскать, чинить. Глаза есть, голова на месте.

Командир помолчал, потом махнул рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

— Оформляйся. Хозяйственный взвод, но сначала — покажи, что умеешь. Андрей ручается — ты отвечаешь за него головой. Если подведёт — отправишься в тыл с позором.

Выдали форму — камуфляж с застиранными пятнами, каску с вмятиной, бронежилет старый, но целый, с набивны-

ми пластинами. Автомат не дали — «потом, когда покажешь себя». Виктору отвели место в блиндаже, на нарах, застеленных старым матрасом, от которого пахло сыростью и потом.

Глава 3. Авдеевка. «Труба»

Первые дни Виктор таскал ящики с водой и патронами, чистил картошку — вёдрами, до мозолей, — помогал на кухне, где из котла валил пар с запахом каши и тушёнки. Нога болела от сырости, каждый шаг отдавался в тазу ноющей болью, но он терпел, ни разу не попросив пощады. Бойцы смотрели на него снисходительно — хромой мужик, какой боец, — но он не обижался, только хмуро улыбался. Вечером у костра он слушал разговоры: про обстрелы, про раненых, про «птичек» (дроны), которые жужжали над головой, и постепенно втягивался в этот новый мир, где смерть была будничной, как утренний чай.

Через неделю старшина — сухой, с прокуренными усами и вечно недовольным лицом — позвал его.

— Сухомнин, завтра в восемь — на стрельбище. Покажешь, как с оружием.

Виктор удивился: «Я же хозяйственный».

— А ты думал, так и будешь картошку чистить? Командир сказал — обучить. Иди, постреляешь, а то нам лишние рты не нужны.

Утром он стоял на мокром полигоне, сжимая старенький

АК-74, холодный, с потёртым прикладом. Рядом — инструктор, молодой сержант, лейтенант? — с настороженными глазами, лицо в веснушках, сам почти мальчишка.

— Смотри, батя. Приклад в плечо, щёку на гребень, дыши ровно. Одиночными, не очередью. Сначала пристреляйся.

Виктор вспомнил, как в молодости стрелял из карабина по банкам в лесу, но автомат был другим — тяжелее, с резкой отдачей, которая толкала в плечо. Он прицелился в мишень — белую фигуру, похожую на человека, — выдохнул, нажал. Пуля ушла в молоко, взметнув песок левее. Сержант хмыкнул, но без злорадства.

— Расслабься. Она не кусается. Держи ровнее, дыши на половинном выдохе.

Виктор сделал ещё три выстрела — два попали в край, одна прошла в десятку, и сержант одобрительно кивнул. К концу занятия он научился держать оружие увереннее, ощутил его вес, приклад в плече стал привычным. Сержант хлопнул его по плечу: «Не всё сразу, но руки помнят. Бывает хуже». Виктор понял: его здесь не просто терпят, он может быть полезен, если не сдастся.

В конце января по бригаде поползли слухи о «трубе». Заброшенный коллектор от Донецкой фильтровальной станции к коксохиму — старый, диаметром чуть больше метра, почти два километра. Внутри — вода, грязь, крысы, и воздух спёртый, как в могиле. Разведка обнаружила, что труба выходит в тыл к противнику, в укрепрайон «Царская охота».

Если пройти по ней — можно ударить внезапно.

— Слышал, там уже недели две разведчики ползают, — сказал Геннадий, перебирая патроны, раскладывая их по рожкам с привычной сноровкой. — Отверстия для воздуха режут потихоньку. Сверху арта бьёт, чтобы шума не было, а они там, как кроты, шуршат.

— И что, пойдём? — спросил Виктор, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Скоро. Готовься.

Напряжение росло. Обстрелы участились, земля дрожала, и каждую ночь слышались разрывы, от которых звенели стёкла в блиндаже. Раненых привозили чаще — на носилках, с перевязанными конечностями, с лицами, искажёнными болью, иногда мёртвых, накрытых простынями. Виктор помогал разгружать носилки, видел эти лица, слышал стоны и маты, и внутри нарастала дрожь, не физическая, а другая — предчувствие. Но он молча делал дело, таскал, успокаивал раненых, подавал воду.

Однажды ночью Андрей вернулся с разведки — грязный, мокрый, пахло ржавчиной и затхлой водой. Сел у костра, долго молчал, глядя на огонь, потом заговорил хрипло:

— Я там был. В трубе. Почти два километра, вода по грудь, местами по шею. Крысы — уже пофиг, они не кусаются, просто бегают. В конце — выход прямо в «Царскую охоту», в подвал разрушенного здания. Если зайдём с полусотней — они нас не ждут. Но дышать там нечем, и ноги за-

мерзают за пять минут.

— Пойдём?

— Да. Через неделю.

Через несколько дней началось. Сто пятьдесят штурмовиков уходили в трубу. Виктор стоял у входа, таскал ящики с боеприпасами, ящики с гранатами, с водой. Андрей подошёл, хлопнул по плечу: «Ты тут, батя, не лезь. Твоё дело — ящики. Если что — оставайся на выходе, прикрывай». Виктор кивнул, но смотрел в чёрное отверстие, и внутри что-то шевелилось — не страх, а странное притяжение, как будто труба звала его.

Первые группы ушли. По радию — отрывистые доклады, шорох, помехи. Вдруг — крик: «Контакт!» И тишина. Затем — автоматные очереди, разрывы гранат, глухие, как удары в подушку. Через час Андрей выбрался первый — мокрый, грязный, с горящими глазами, лицо в потёках грязи.

— Плацдарм захватили. Давай боеприпасы! Живо!

Виктор схватил цинк с патронами, подтащил к трубе. Внутрь уже затаскивали раненого — парень с простреленной ногой, стиснул зубы, бледный до синевы, рубашка пропиталась кровью. Второй боец крикнул: «Помоги, батя!» Виктор не думал — шагнул в трубу, схватил носилки сзади, перехватил за поручни. Внутри — темнота, только тусклый свет от входа, вода по щиколотки, потом по колени. Нога заныла сразу — холод, сырость, и она скрутилась от резкого движения. Он стиснул челюсти, пополз, упираясь здоровой ногой,

подталкивая носилки вперёд. Раненый стонал, и этот стон отдавался в металле. Вода поднималась выше — ледяная, февральская, с запахом железа и гнили.

Виктор чувствовал, как ногу начинает сводить судорогой. Сухожилия тянуло, кость ныла глухой болью, и каждый сантиметр давался с мучением. Он замедлялся, дышал ртом, но второй боец сзади кричал: «Давай, не останавливайся!» Он пересилил, собрал волю в кулак и пополз дальше. Крысы шуршали по ногам, и он уже не обращал внимания, хотя кожей чувствовал их прикосновения. Воздуха не хватало, пахло ржавчиной, стоячей водой и ещё чем-то сладковатым — может, кровью. Артиллерийские разрывы доносились глухо, через землю, как отдалённые раскаты грома.

Через час впереди забрезжил свет — серый, неяркий. Они вывалились наружу, прямо в тыл врага, в полуразрушенное здание с выбитыми окнами. Вокруг рвались снаряды, свистели пули, воздух дрожал от взрывов. Раненого подхватили санитары, утащили в укрытие. Виктор упал на колени, хватая ртом воздух, кашляя от пыли и гари. Нога болела так, что он едва не заорал, но сдержался, только закусил губу до крови.

Рядом упал Андрей, выругался матом.

— Ты как тут?!

— Тащил раненого.

— Ты оху... Убирайся назад! Ты тут ни к чему!

Но в этот момент с фланга ударил пулемёт. Очереди прошили землю в метре от них, взметнув фонтанчики грязи.

Андрей вжался в грязь, выругался ещё крепче. Следом из трубы выскочили ещё двое с ящиками, залегли за бетонными блоками.

Виктор увидел, как пуля срезала одного из бойцов — тот упал без крика, просто осел, и автомат отлетел в сторону, звякнув о бетон. Инстинкт сработал быстрее мысли — Виктор перекатился, схватил оружие, прижал к плечу. Руки тряслись, но он вспомнил занятия: приклад в плечо, щёка, выдох. Он прицелился туда, откуда бил пулемёт, — в тёмный проём подбитого танка, — и нажал на спуск. Очередь ушла чуть выше, но пулемётчик на секунду замолк. Этого хватило — Геннадий, оказавшийся рядом, бросил гранату, перемахнув рукой через блок.

— Ложись!

Взрыв, осколки засвистели над головами. Пулемёт замолк навсегда.

Виктор лежал в грязи, сжимая автомат, дрожа всем телом. В груди колотилось, во рту пересохло, в ушах звенело от близкого разрыва. Но он не ушёл обратно. Он остался.

— Твою мать, — прохрипел Андрей, подползая к нему. — Герой хренов. Ладно, оставайся. Но патроны экономь, не пали как в кино.

Виктор кивнул, перезарядился, трясущимися пальцами вставил новый рожок. Нога ныла, но он заставил себя не думать о ней, сосредоточиться на звуках, на движении. Рядом, за бетонным блоком, лежал молодой парнишка — ис-

пуганный, с круглыми глазами, кажется, его звали Серёга, из недавнего пополнения.

— Не бойся, — сказал Виктор хрипло, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Видишь, за тем обгоревшим деревом? Там засели. Бей туда, короткими.

Парень кивнул, прицелился, выстрелил. Пуля попала в ствол, и оттуда донёсся вскрик.

— Молодец. Теперь ложись, меняй позицию.

Виктор сам снова нажал на спуск, прицельно, видя силуэты в дыму. Бой длился несколько часов. Он стрелял, перезаряжался, переползал от укрытия к укрытию, и нога болела всё сильнее, он хромал уже почти волоча её, но не садился, не ложился. В какой-то момент кто-то крикнул: «Батя, дай закурить!» — и он, не думая, бросил пачку сигарет в ту сторону, и они упали прямо в руки бойцу. Так к нему и прилипло «Батя» — не только из-за возраста, а потому что он был здесь, держался и помогал, как мог, и в нём видели отца, которого у многих уже не было.

Контратака захлебнулась. По трубе продолжали подвозить боеприпасы, и наши, получив подкрепление, удерживали «Царскую охоту». Десять дней обороны, с короткими передышками, с обстрелами и атаками. 17 февраля 2024-го Авдеевка была освобождена. Виктор вышел из боя живым. Грязный, мокрый, с опухшей ногой, с воспалённым глазом от попавшей пыли, с тремором в руках, который не проходил уже двое суток.

Медсестра, высокая женщина с выгоревшими волосами, хотела отправить его в тыл, в госпиталь — «у вас нога, вам нужно лечение, иначе останетесь без конечности». Но он сказал: «Нет. Я остаюсь». Она покачала головой, но больше не спорила.

Он больше не был «хозяйственным». Он был бойцом. Через неделю бригаду перебросили на Купянское направление, где фронт снова трещал по швам. Впереди — новые бои, новые траншеи, новые могилы. Виктор знал: он на верном пути. Он был солдатом, который пройдёт по всей этой земле, через всю эту грязь и кровь, пока не найдёт останки своих сыновей. Или пока не ляжет рядом с ними — тогда, по крайней мере, он будет знать, что попытался.

В блиндаже, лёжа на жёстких нарах, он смотрел в потолок, слушал, как за стеной храпят товарищи, и думал о том, что Ольга, наверное, видит его оттуда, и, может быть, гордится. Или молится. Или просто ждёт, как ждала всю жизнь. А он будет ждать только одного — момента, когда сможет выполнить клятву.

Глава 4. Купянск. Город

Переброска заняла двое суток. Бригаду грузили в эшелоны под Авдеевкой — в промозглую ночь, когда ветер дул с востока, неся запах гари и сырой земли. Виктор сидел в теплушке, на ящиках из-под снарядов, привалившись спиной к холодной стене. Рядом — Андрей, Евгений, Геннадий. Молчали. Все понимали: Авдеевка была тяжёлой, но Купянск

будет другим. Городская застройка, многоэтажки, подвалы, каждый дом — крепость. И враг там держался крепко, с осени 2023-го, когда наши подошли к городу и завязались уличные бои.

Виктор смотрел в щель между досками. За окнами проплывали поля, сёла, руины. Где-то вдалеке дымились трубы — то ли заводы, то ли пожарища. Небо низкое, серое, с редкими просветами. Ему казалось, что вся земля покрыта пеплом. Пахло потом, махоркой, машинным маслом. Кто-то дремал, кто-то перебирал патроны, кто-то тихо переговаривался.

— Слышал, там каждый дом заминирован, — сказал один из бойцов, молодой парень с обветренным лицом. — Противник сидит в подвалах, оттуда бьёт. Дроны круглосуточно.

— А танки? — спросил другой.

— Танки по дорогам не пройти — везде мины и противотанковые рвы. Пехота работает. Штурмовыми группами — по три-четыре человека.

Виктор слушал и вспоминал Ивана. Его танк сгорел где-то под Купянском, на нейтралке. Может, в том самом районе, куда они сейчас едут. Он достал из кармана сложенную вдвое фотографию — ту самую, у дома, все четверо, солнце слепит. Провёл пальцем по лицу сына. Иван улыбался, шурился, ветер трепал белые волосы.

— Батя, — сказал Андрей, заметив его взгляд. — Не думай о прошлом. Думай о деле. Приедем — сразу в бой. Там,

глядишь, и найдёшь что-то своё.

Виктор кивнул, но ничего не ответил. Он прятал фото обратно в нагрудный карман, и пальцы нащупали там же сложенную бумагу — ксерокопию донесения, где говорилось о гибели Ивана: «*Машина сгорела. Тело не эвакуировано*». Он перечитывал эти строки каждый день, и каждый раз они резали глубже. Где? В какой точке? Он не знал. Никто не знал. Может, останки лежат в подвале или в поле, и никто не потрудился их подобрать. Мысль эта грызла, как ржавчина.

Эшелон остановился в сорока километрах от Купянска. Дальше — на машинах, по разбитым грунтовкам, под обстрелами. Бригада выгружалась в лесу, в маскировочных сетях, среди сосен, израненных осколками. Командир собрал офицеров, но бойцы знали главное: входить будем с восточной окраины, через промзону. Там — разрушенные цеха, бетонные заборы, подвалы. Противник укрепился в многоэтажках и ждёт.

Первый день — зачистка промзоны. Виктор был водителем БТРа, возил штурмовиков к линии столкновения. Нога ныла от сырости, но он пересиливал, сжимал руль так, что костяшки белели. БТР старый, броня в заплатках, двигатель чихал на холостых. Но Виктор знал — за рулём он чувствует машину, как когда-то чувствовал КАМАЗ. Каждый рывок, каждый поворот — на инстинкте.

Он подвозил бойцов к разрушенному цеху, ждал, пока те зачистят, забирал раненых, увозил назад. Вокруг рвалось,

свистело, гудели дроны. Он видел, как падают товарищи, как кричат раненые, как санитары перевязывают обожжённые руки. Внутри крепла решимость, но где-то в глубине затаился холодный ком — неуверенность. *А что, если я никогда не найду их? Что, если я сдохну здесь, так и не выполнив обещания?* Он отгонял эти мысли, но они возвращались, особенно по ночам, когда тишина взрывалась далёкими раскатами.

В один из дней его БТР подбили. Удар пришёлся в башню, осколки посекали броню, заклинило люк. Виктор выскочил наружу, хромая, прижимаясь к броне, и увидел, как из цеха выбегают наши, а за ними — цепь противника. Он схватил автомат, упал за колесо и открыл огонь. Короткими очередями, экономя патроны. Пули ложились рядом, взбивая пыль. Он стрелял, не думая о страхе, только о том, чтобы удержать позицию. Но вдруг нога подвела — судорога скрутила мышцы, он оступися, упал на бок, и в этот момент рядом, в двух метрах, разорвался миномётный снаряд. Осколки взвизгнули над головой, один чиркнул по каске, другой пропорол рукав. Виктор замер, прижавшись к земле. В ушах звенело, в глазах потемнело. Впервые за всё время он почувствовал, что не может подняться. Не от боли — от отчаяния. *Я ничтожество. Хромой старик. Что я здесь делаю?*

— Батя, назад! — крикнул кто-то. Он не слышал, только видел, как парень из его отделения, молодой сержант по фамилии Коваль, метнулся к нему, схватил за бронежилет, потащил волоком за угол. Виктор пытался встать, но нога не

слушалась. Коваль заорал ему в лицо: «Твою мать, вставай! Не смей ложиться!» И этот крик, злой, отчаянный, выдернул его из ступора. Он встал. Шатнулся, но встал. Перезарядил автомат и снова начал стрелять, уже с новой позиции, за бетонным блоком. Рядом Коваль бил короткими очередями, и они держались вдвоём, пока не подошло подкрепление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.